

МИЛЕНА
ЗАВОЙЧИНСКАЯ

ПРИМОРСКАЯ АКАДЕМИЯ,

или

Ты просто пока не привык

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Разработка серийного оформления *Д. Васильченко*
Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Завойчинская, Милена Валерьевна.
3-13 Приморская академия, или Ты просто пока не привык / Милена Завойчинская. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-186947-2

Честное слово, всё... ну почти всё произошло случайно! И о бесплатном наборе в магические академии я услышала неожиданно, и на ледяную горку мы с сестрой полезли кататься, не планируя этого заранее, и тазик, точнее боевой щит, у стражника я позаимствовала невзначай. И сшибла, летя на этом самом щите, ехидного блондинистого незнакомца совершенно не нарочно. Как не нарочно мы с ним провалились в ненастроенный портал.

И вот я неизвестно где, и этот невозможный тип говорит, что мы из-за меня опаздываем на вступительные экзамены, что я рыжее чудовище, поломала ему планы и вообще бешу. Но это он просто пока ко мне не привык и не понял, как ему повезло. А вдруг я вообще спасительница, хранительница и удача всей его жизни?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186947-2

© Завойчинская М.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

— Слушайте, слушайте, жители королевства! — зычным голосом кричал городской глашатай.

Народ останавливался, собирался группами, готовясь внимать новостям. Ничего хорошего не ждали по определению, но мало ли?

— Па-ап, — подергала за рукав отца моя сестрица. — Давай послушаем.

— А пакеты ваши кто держать будет? — устало выдохнул батюшка, которого мы совершенно умотали. Ну а что он хотел? Устраивал бы нам выходы за обновками чаще, так мы бы и не срывались с цепи, стараясь купить за один раз как можно больше.

— Ну па-а-ап, — заныла Инесса.

— Лишь бы не призыв новобранцев, — пробормотал он себе под нос.

— Да нам-то какая разница? — вскинула светлые бровки сестра. — Мы же девушки, нас точно не призуют. К тому же война давно закончилась.

— Слава богам, что закончилась. Девочки...

Мы не стали дослушивать, что еще начнет бубнить папенька. Про войну — это надолго, хотя жили мы уединенно, к политике и войне отношения не имели, так как в нашем маленьком семействе единственным мужчиной был именно он, наш отец — низенький,

бородатый и фигурой напоминающий мячик. А мы с сестрой — девицы на выданье. Папулина головная боль и непрекращающийся ужас. Он спал и видел, как сплавит нас обеих наконец-то замуж, мы родим детишек, успокоимся, и он будет нянчить внуков и наслаждаться старостью.

Вполне здравые рассуждения, что, во-первых, замуж нам рано, а во-вторых, наши будущие дети могут оказаться еще хуже нас, во внимание не принимались. Барон Су́арес вел две книжицы со списками женихов. Желтая — для блондинки Инессы, красная — для рыжей меня.

— Элька, бежим! — подцепила меня за локоть сестра и рванула в гущу народа.

— Девочки! — обиженно возопил батюшка, которого мы бросили с кучей пакетов на мостовой.

— Слушайте, слушайте, граждане Фелисии, слово короля! — Громкий голос глашатая перекрывал даже гомон толпы. — С завтрашнего дня все магические учебные заведения Фелисии на неделю открыты для поступления всем, в ком есть хотя бы крупички силы. Наш добрый король Фердинанд Умный повелел бесплатно обучить тех, у кого нет средств на оплату. Также будет выплачиваться стипендия из государственной казны.

— Вау! — выдохнула я. — Инесска, я в деле!

— Да сейчас! — фыркнула она. — Тебя папа не отпустит.

— Фелисия нуждается в магах! Война закончилась пять лет назад, нас всех ждет светлое будущее! Для окончательного восстановления страны и грядущего благосостояния Фелисии все маги, поступившие на бесплатное обучение, обязаны будут

отработать после окончания магического учебного заведения пять лет на благо нашего государства, — извещал глашатай.

— У-у-у, — скисла я.

Пять лет — это долго. Папа точно меня не отпустит. А у нашей семьи нет средств, чтобы оплатить дорогостоящую учебу в магической академии для меня. Нас с сестрой обучали дома гувернантки, постоянно меняющиеся учителя по разным предметам и сам папенька.

— Ровно неделю двери всех до единого магических учебных заведений Фелисии открыты для вас, будущая гордость нашей страны, ее сила и мощь. Лекари и знахари. Менталисты и алхимики. Маги-стихийники всех направлений. Некроманты и предсказатели. Погодники и боевики. Ведьмы и ведьмаки. Иллюзионисты и артефакторы. И многие, многие другие. Фелисия и его величество Фердинанд Умный ждут вас!

— Интересно, на кого бы я могла выучиться? — завистливо вздохнула я.

— Ой, Элька... Не мечтай. Знаешь ведь, что не сможешь туда попасть. Папа ни за что тебя не отпустит, — отмахнулась Инесса. — Сама-то подумай. Пять лет учиться, а потом еще пять лет отрабатывать за учебу.

— ...Ровно неделю... — продолжал нагнетать обстановку глашатай. — На время обучения приказом нашего славного короля стираются границы между сословиями в стенах магических учреждений. Не важно, крестьянин вы или мастеровой, безземельный дворянин или потомственный аристократ, бродячий актер или достопочтенный горожанин.

Проявите свои силы и таланты на приеме, докажите, что ваша страна может гордиться вами. После окончания отработки по контракту тем магам, которые окажут особую, неоценимую помощь Фелисии, проявят себя выдающимися специалистами, его величество дарует наследное дворянство! — выложил еще один козырь глашатай.

Вот это да-а-а!

Толпа замерла и забыла, как дышать. Бесплатное обучение, а потом еще и возможность получить дворянство за личные заслуги... Боюсь, стены академий, университетов и училищ не выдержат наплыва адептов. Теперь понятно, почему всего неделю. Король и его советники подстраховались.

Первая волна придет из тех краев, которые ближе всего к местам обучения. Поди-ка доберись из какой-нибудь глухомани. Зато, если в этом году всё пройдет удачно, к началу следующего учебного года загодя приедут все, кто обладает силой, но живет далеко.

— И последний подарок для будущих магов! — продолжал свою пламенную речь служитель короля. — Всю неделю стационарные порталы Фелисии бесплатны для тех, кто едет поступать на учебу. Торопитесь!

— О-о-о! — выдохнула я.

Кажется, я погорячилась, предположив, что приток будущих студентов будет лишь из крупных городов и их пригородов. Раз порталы сделали бесплатными, то одаренная молодежь помчится за знаниями со всей страны. Поедут даже те, у кого за душой нет и ломаного медяка. Пусть перемещение порталами стоило не смертельно дорого, но все же...

— Идем, Элька, — потащила меня обратно к заждавшемуся нас отцу Инесса. — Папуль, ты слышал? — спросила она его.

— Па-а-ап, — сделала я жалостливые глазки.

— Нет! — тут же отозвался барон Суарес.

— Ну папочка-а-а, — надула я губы и состроила самую несчастную просительную рожицу из тех, что имелись в моем арсенале.

— Элисса, я сказал — нет! У тебя в списке восемнадцать женихов!

— Папулечка-а-а, — пошла я на запрещенный прием, всхлипнула и с трудом, но выдавила слезинку. — Ты же, как никто другой, знаешь, что у меня есть дар. Я хочу...

— А дури у тебя еще больше! Нет! Нет! И нет! Замуж, я сказал! — Серdito подхватив с мостовой свертки, барон Суарес развернулся и засеменял в сторону пролетов.

— А я тебе говорила, Элька, — участливо погладила меня по плечу сестра.

— Инесска, делай что хочешь, но я должна отправиться в магическую академию, — прошептала я и тряхнула огненно-рыжей шевелюрой. — Иначе я спалю имение и... и нам негде будет жить! Вот!

— А что мне за это будет? — сморщила она носик.

— А что хочешь?

О! Раз Инесса начала торговаться, значит, точно поможет.

— Голубое платье из муара, заколку с изумрудами, веер из перьев...

— Ну ты наглей, но не забывайся! — возмутилась я, стирая пальцем не пригодившуюся слезинку.

ку. — Платье и веер бери. Но заколку не отдам! Тебе она всё равно под цвет глаз не подходит.

— Тогда вместо нее графа Амальрика из твоего списка.

— По рукам! Граф Амальрик — твой.

Знал бы противный блондинчик, что стал предметом моего откупа и что я сторговала за него возможность попасть в магическую академию!

— Девочки! — сердито позвал нас папа.

Мы с сестрой переглянулись, пожали друг другу руки, скрепляя уговор, и рванули к ожидающей нас пролетке.

Этот и последующие два дня мы с Инессой строили планы и пытались упросить отца отпустить меня учиться. Какие только доводы я не приводила! Даже показательно спалила шторы в гостиной. В результате меня лишили сладкого и на сутки заперли в комнате под домашний арест. На все мои слезы, просьбы, угрозы и обещания у бабушки ответ был один:

— Замуж! Выбирай любого из красной книжечки — и под венец! Пусть он разбирается с тобой и твоим даром!

— Но я же ма-а-аг! — рыдала я, не забывая сквозь ресницы поглядывать на отца. — А вдруг я не сдержу силы? Взорву что-нибудь? А? Вот что тогда? Я же ничего не умею! Меня учить нужно...

— А я внуков хочу!

— Инесса старшая. Пусть она первая выходит замуж.

— Да, папочка, — подключалась в этот момент сестра. — Это нечестно, если ты нас обеих одновремен-

но выдашь замуж. Эльке всего семнадцать, а мне уже девятнадцать. Я первая должна...

— Ты — нормальная девица, тебя я готов терпеть. А эта рыжая заноза... — гневно указывал он на меня пальцем. — Еще сожжет мне имение... Нет уж! Замуж! И пусть с ней супруг мучается. А кто ее возьмет через десять лет? Ко мне вернется старой девой? Ни за что!

— Ну, па-а-ап... — ныла я.

— Это нечестно-о-о... — поддывала сестра.

— Во-о-он!!! — срывался на каком-то этапе барон Суарес.

Вывалившись в очередной раз от его разъяренного вопля из комнаты, мы отбежали подальше и остановились.

— Ну и что делать? — вытерла я фальшивые слезы и высморкалась. — Времени почти не осталось. Из недели прошло уже три дня, из которых я один бездарно потеряла на домашний арест.

— Не волнуйся, — поправила светлый локон Инесса и улыбнулась. — Я подключила тяжелую артиллерию, пока ты отбывала наказание. Нас ждет в гости бабушка.

— Ой! — пискнула я. — Папулю удар хватит.

— Ничего страшного, — отмахнулась она. — Подумаешь, навестит тещу и привезет к ней в гости любимых внучек.

— Ну ты и суро-овая, — восхищенно выдохнула я.

— А то! — подмигнула мне сестрица. — Идем, я хочу примерить свое голубое муаровое платье.

— Еще не твое!

— Ой, да брось. А ты пакуй маленькую сумку. Большую протащить не удастся. Как поступишь

в академию, я тебе твой гардероб перешлю. Бери все свои деньги, минимум вещей и лишь самые необходимые мелочи. И подумай, что наденешь. Придется быстро бегать...

— Да это я уже обдумала. Вот только денег мало-вато...

— Ладно, уговорила, — рассмеялась Инесса и потащила меня в мою комнату, чтобы получить вожделенные платье и веер. — Ради любимой младшей сестрички я, так уж и быть, разобью свою копилку. Потом сочтемся. Или же — меняю на туфли. Те, что с голубым камушком на пряжке. Они идеально подойдут к моему голубому платью.

— Договорились! — подпрыгнула я на месте от радости.

У нас с ней были одинаковыми не только рост и фигура, но и размер обуви. Да и внешнее сходство у нас было поразительное. Ни у кого и на секунду не могло возникнуть сомнений в том, что мы родные сестры. Отличались мы только мастью и темпераментом. Инесса — изящная, нежная, утонченная блондинка с ярко-голубыми глазами. А я — неугомонная, порывистая, темпераментная, рыжая как огонь, с веснушками, появляющимися вместе с весенним солнышком и исчезающими, когда осень вступала в свои права. И глаза у меня изумрудные с рыжими крапинками. Инесса, когда мы ссорились, говорила, что они как ржавчина. А папа, любя, исправлял, что это россыпь золотого песка на изумрудной глади. Понятно, что его сравнение мне нравилось больше.

Говорят, я пошла в маму, которую никогда не видела. Она погибла глупо и нелепо, когда Инессе

было два года, а мне два месяца. Лошади понесли, и карета, в которой ехала мама, перевернулась. Она умерла мгновенно, даже не успев этого понять. Как нам рассказывали, сломала шею, неудачно упав.

К сожалению, у папы не было ни одного ее портрета, так что нам с Инессой приходилось довольствоваться его рассказами и внешним обликом нашей бабушки, маминой мамы — тоже рыжей и зеленоглазой, как я. Человек она крайне сложный, неуступчивый и неуживчивый, но внушек любит, и периодически мы у нее гостим. Меня, правда, бабушка баловала чуть больше. Вероятно, из-за моей рыжей шевелюры, напоминавшей ей о погибшей совсем молодой дочери.

Через час ко мне в комнату поскреблись, и заглянул расстроенный папа. Он окинул взглядом нас, стоящих над вываленными на кровать кучами нарядов, и сообщил:

— Девочки, вас бабушка в гости зовет. Причем срочно. Завтра уже чтобы были у нее, так что поутру выезжаем.

— Да? — сделала вид Инесса, будто не в курсе письма от бабули. — А почему так срочно?

— Пишет, что хочет представить вас достойным молодым людям.

— О! Женихи! — захлопала в ладоши сестра. — Как это мило. Элька, какие платья возьмем?

И уже утром мы тряслись в карете, везущей нас в гости к бабушке. Папа сидел нахохлившись, так как с тещей у него отношения не ладились. Она винила его в смерти молодой жены, что отпустил,

недоглядел, не приставил охрану... И даже то, что он скорбел много лет, оставаясь вдовцом, категорически отказываясь снова жениться, и воспитывал в одиночестве двух дочурок, не смягчало сердце бабули.

Мы с Инессой заговорщицки переглядывались и помалкивали, не желая расстраивать папу еще больше. Бедненький. Он еще не знает о том, что у меня всё готово к побегу. Я собрала сумку, небольшую, но в нее удалось впихнуть документы, сменное белье, запасные штаны и рубашку, зубную щетку, мыло и расческу, кошелек с нашими общими накоплениями, а также небольшой кинжал. Мало ли... Совсем безоружной отправляться куда-то было страшно. Больше, увы, ничего не влезало, как мы ни пытались с сестрой запихнуть. А брать сумку побольше было нельзя, папа бы точно что-нибудь заподозрил. Он и на эту-то косился с недоумением. Мол, зачем она мне, если куча чемоданов пристегнута к карете сзади.

Я, тяжело обмахиваясь веером, украдкой стирала капельки пота, предательски выступающие на висках. Мне было дико жарко... Побег планировался быстрым и ошеломляющим, а потому пришлось надеть походную одежду под платье. Для этого мы отыскиали в моем гардеробе самое закрытое, с длинными рукавами и многочисленными подъюбниками, которые должны спрятать надетые под них брюки. А глухой высокий ворот этого строгого зимнего наряда скрывал воротничок рубашки.

Проблема была с обувью. Туфли не годились для побега, а сапоги не подходили ни под погоду — ясную, теплую и солнечную, ни под платье. Пришлось

сделать вид, будто я подвернула ногу. Причитая над тем, какая я неуклюжая, сестрица забинтовала мою «пострадавшую» ступню бинтами, после чего заявила, что теперь на меня ни одни туфельки не найдут.

— Так может, никуда не поедем? — заикнулся папа, решив таким нехитрым образом воспользоваться поводом не ехать к нелюбимой теще.

— А женихи?! — гневно воскликнула Инесса и подбоченилась. — Это Элька магии учиться хочет. А я желаю богатого, молодого, красивого мужа!

— Но Элисса не может... — указал он на мою ногу, прикрытую подолом.

— Ничего не знаю! — притопнула ногой сестра. — Элька, раз ты такая неуклюжая, надевай сапоги для верховой езды. В них точно не упадешь, они без каблука, к тому же хорошо зафиксируют поврежденную щиколотку.

— Девочки, но сапоги...

— Папа!

— Папочка, ничего страшного, — улыбнулась я. — Инесса права. Она не должна страдать из-за моей неловкости.

Вот и ехала я сейчас в брюках, рубашке, длинном закрытом теплом платье с кучей подъюбников и в сапогах.

Наконец мы добрались до города. Колеса кареты загрохотали по мостовой, а я с облегчением выдохнула. Слава богам, почти добрались. А то еще немного — и я превратилась бы в запеченного в собственном соку поросенка. Промокшая от пота рубашка противно липла к спине, на висках и верхней губе выступала испарина, которую мне приходилось по-

стоянно стирать платочком, чтобы папа не заметил. Удивительно, что он до сих пор не спросил, с чего это я так странно обрядилась — в такую жару не в легком платье, а в зимнем и закрытом.

— Давайте остановимся? — предложила Инесса, когда мы уже добрались до центра города. — Очень хочется лимонада.

— Да! — поддержала я ее. — И неплохо бы чуть размяться до того, как доберемся до бабушки. А то потом не удастся выйти погулять.

— Да-да! — оживился папенька. — Лимонада! И размяться! И... Любезный, а что за шум с площади? Куда все идет? — позвал он проходящего мимо нашей остановившейся в заторе кареты молодого мастерового.

— Дык маги горку сделали. Ледяную, высоченную такую. Во! — изобразил парень руками примерную высоту горки.

— Ух ты! — Инесса высунулась в окошко и улыбнулась тут же распутившему хвост горожанину. — А в честь чего горка? Да еще ледяная?

— Дык набор же в магические академии идет всю неделю. Приказ короля, рувита¹. Вот, значит, маги и показывают, что студиизы смогут делать, когда отучатся.

— Папа! — хором воскликнули мы с сестрой.

— На горку хотим! — вцепилась в руку отца Инесса.

— Папуль, а то нас потом бабушка не отпустит. Ты же знаешь, как она относится ко всяким несолидным развлечениям, — заканючила я.

¹ Рувита — вежливое обращение к незамужней девушке. *Здесь и далее примеч. авт.*

— Эля, но у тебя же нога болит, — вздохнул барон Суарес.

— Я ей помогу! — твердо заявила моя сестрица. — А то ты меня одну не отпустишь, а она сама виновата. Потерпит, но дохромает.

Каков же был наш восторг, когда мы увидели горку. Возвели ее на центральной площади, напротив стационарного портала. Визжащая от восторга молодежь съезжала вниз и притормаживала у созданной из ряда мешков с песком преграды. Маги рассчитали всё точно, еще никто не врезался, но эта небольшая символическая стеночка отгораживала зону развлечения от участка перед порталом. Там народ договаривался с магами-телепортистами, те настраивали маршрут, и то один, то другой горожанин отправлялся по своим делам в разные концы Фелисии.

— Что будем делать? — шепнула я сестре, когда мы выбрались из кареты и устались на горку.

Сооруженная деревянная конструкция с лестницей, ведущей на расположенную вверху площадку с бортиками, и длинным покатым полотном, по которому следовало скатываться вниз, выглядела впечатляюще и монументально. Да уж, ради демонстрации могущества маги постарались. Все поверхности деревянной основы (кроме ступенек) были покрыты толстой ледяной коркой. А скат, по которому в данную минуту с хохотом и гиканьем неслась вниз компания парней, был, похоже, невероятно скользким и гладким.

— Не знаю, — прикусила она губу. — Придется сначала скатиться с горы, а там по ситуации. Попробуй добежать до портала, а я отвлеку папеньку. Сумку берем с собой.

— Пап, пусть нам пока лимонаду и яблок в карамели принесут, — повернулась я к ошалевшему от духоты и тряски барону. — Мы быстренько скатимся и вернемся сюда.

Пока я заговаривала ему зубы, сестрица стащила с сиденья мою походную сумку, спрятала ее за своими пышными юбками и начала потихоньку пятиться назад, словно уже торопилась к вожаденной горке.

— Иди уж, горе мое рыжее, — отмахнулся батюшка. — С ногой осторожнее.

— Папочка, я тебя люблю. Сильно-сильно! — В последний момент я остановилась, шагнула назад и крепко обняла родителя за шею.

— Не подлизывайся, шкoda. Я тоже тебя люблю. Но в магическую академию все равно не пушу. Не место там приличной девушке из дворянского рода. И потом, десять лет, Эля. Десять лет... Кто тебя тогда замуж возьмет?

Я утрированно тяжело вздохнула, понурилась и побрела к сестре, впрочем, потихоньку распрямляя спину и начиная улыбаться. Все равно ведь не поверит никто, что я буду долго грустить, когда впереди катание с горки.

Глава 2

— Попрощались? — спросила Инесса, когда я поравнялась с ней и аккуратно забрала сумку, пряча ее перед собой от оставшегося позади папы.

— Да. Страшно мне, ужас как. Но я должна попытаться. Ты ведь успокоишь его?

— Само собой. Папуля просто очень любит нас и переживает.

Я не стала ничего говорить. Мы отвечали батюшке полной взаимностью. Ну как можно его не любить? Но учиться мне хотелось, а вот замуж — совсем нет. Поэтому я должна рискнуть. Если смогу поступить, то в ближайшие годы мне не светит пойти к алтарю с выбранным перспективным женихом, зато ждут приключения, знания и освоение доставшегося от погибшей матушки дара. Она была сильной магической, но бросила все, выйдя замуж.

— Давай первая, — подтолкнула меня вперед Инесса, когда мы добрались до лестницы, ведущей вверх. — Я буду сзади прикрывать.

— Угу.

Лезть с занятыми руками было неудобно, а повесить сумку на плечо нельзя, тогда папа точно увидит и заподозрит что-то, поэтому я нацепила ее на шею и разместила перед собой. Теперь она болталась на уровне моего живота, но зато руки освободились. Так что можно одной подхватить подол, чтобы не наступить на него, а второй держаться за перила.

— Да быстрее же, что ты как хромая курица? — пыхтела сзади сестра, подталкивая меня снизу и заставляя торопиться.

— А я и есть хромая курица, — беззлобно огрызнулась я. — У меня на одной ноге столько бинтов намотано, что она теперь длиннее и толще второй. Думаешь, удобно?

— Девочки, я решил с вами прокатиться! — донесся вдруг издали папин голос.

— Ой! Быстрее! — взвизгнула сестричка и пихнула меня рукой в зад, поторапливая.

— Вот же хрын! — ругнулась я.

Оглядываться было страшно, но я и так знала: папа в последний момент испугался, что мы сверзимся с верхотуры, устроим бедлам (это он про меня, конечно же), поскользнемся, покалечимся, сотворим с собой или окружающими что-нибудь непотребное, а потому как заботливый и закаленный в воспитании двух шевутных девчонок родитель решил проявить сознательность и приглядеть за нами лично.

Я, запыхавшись, взлетела на самый верх и застыла на площадке. К нам карабкались те, кто тоже хотел прокатиться, а на нижнюю ступеньку уже встал папа.

— Рувиты, подождите немного, — к нам с Инессой, которая подскочила и вцепилась в мою руку, вежливо обратился скучающий стражник. — Закончились ледянки, сейчас маг их сюда подтащит...

Я же в панике принялась шарить взглядом. Что еще за ледянки?! Сейчас же папуля сюда доберется, увидит сумку, и тогда мне влетит. У него нюх на мои проказы и шалости.

— Какие ледянки? — лучезарно улыбнулась стражнику сестра, дергая меня за руку и потихоньку подталкивая к краю площадки, ближе к скату.

— Так нельзя без ледянки, — поправил лихие усы чернявый вояка. — Лед-то магический, примерзнете к нему, рувиты. Только на чем-то твердом съезжать надо.

— И где же они? Как выглядят? Я ничего не вижу, — хлопая ресницами и очаровательно улыбаясь, продолжала допрос Инесса.

— Да типа вот этого, — продемонстрировал он нам свой щит, круглый и гладкий, словно перевернутый тазик. Сейчас эта деталь защитного снаряжения стояла прислоненной к перилам, огораживающим площадку, а стражник благодушно приглядывал за веселящимся народом.

— А, вижу. Вон же внизу целая стопка этих ледянок. А когда их поднимут сюда? — влезла я в разговор, притопывая от нетерпения ногой.

Барон Суарес, пользуясь положением и возрастом, потихоньку расталкивал народ на лестнице и преодолел уже половину пути.

— Да маг отлучился по нужде, рувиты, — хохотнул стражник. — Придется подождать. Что ж он, не человек?

— Человек, человек, — закивала я.

— Девочки-и-и! — донесся папин оклик.

— Вот же хрын! — в панике пискнула я. Похоже, мой план сейчас накроется медным тазом. Таким же круглым и гладким, как щит стражника.

Щит! Круглый! Гладкий! Стальной, правда!

Всё, произошедшее дальше, случилось само по себе. Честное слово! Я вообще не собиралась творить ничего такого. Оно как-то нечаянно...

Горящими от волнения глазами я уставилась на воделенный щит. А ведь он прекрасно заменит мне ледянку. Правда, когда меня поймают, то голову оторвут за похищенную у стражника часть оружия. Или щит не относится к оружию? Все эти мысли, как взбесившиеся зайцы, прыгали в моей голове, а руки уже действовали. Они у меня вообще какие-то самовольные. Во всех моих шалостях и проказах виноваты именно они, а вовсе не я. Я — сама благовоспитанность!

Левой рукой я сунула длиннущую тугую косу в зубы и закусила, чтобы не орать и чтобы она не моталась и не мешала. А правой — цапнула то, что должно заменить мне ледянку, бросила плашмя и прыгнула сверху.

— Ы-ы-ы-ы... — кричать я не могла, рот занят козой, но жутко ведь!

Вместо меня орала Инесса и беспринципно ограбленный среди бела дня стражник. Подозреваю, сестра изобразила панику и вцепилась в единственного стоящего поблизости мужчину, демонстрируя, как сильно испугалась за меня. Так испугалась, ужас как испугалась! Ведь сейчас по ледяному полотну вниз летела сидящая на щите девица с вытаращенными глазами, зажатой в зубах длинной рыжей косой и сумкой, прижатой к животу.

Ветер бил в лицо, пришлось закрыть глаза, и от этого было еще страшнее, потому что я не видела, куда лечу. А скорость-то развилась ух какая!

Что-то эти маги не рассчитали. Точно говорю. Ну вот не верю, что можно выпускать живых людей на такой смертельный ледяной аттракцион. Потому что мчалась я быстрее этого самого ветра, заставившего меня зажмуриться.

— Ы-ы-ы-ы!

— Сто-я-я-ять... Верни-и-и... — ревел стражник.

— Эля-я-я! — визжала Инесса.

И тут вдруг на нас с тазиком сзади кто-то напрыгнул, громогласно выругался и лязгнул зубами, заставив меня испуганно распахнуть глаза.

А в следующую секунду я выплюнула косу и заорала во все легкие.

Этот ненормальный усач не смог вытерпеть несколько минут и бросился догонять свое удирающее имущество. Только вот вместо того, чтобы спуститься как все вменяемые и адекватные люди по лестнице и побежать к мешкам с песком, где я должна была притормозить, этот болван ласточкой сиганул за мной по ледяному скату. Наверное, рассчитывал, что его металлические доспехи заменят ему ледянку.

Ну... В общем-то так оно и получилось. Стражник настиг меня практически в прыжке, всем своим весом плюхнулся на свободный край щита за моей спиной, но... Настичь-то он настиг, только не уцепился за его поверхность, а сработал грузом, подкинувшем легкую меня вместе с моей стальной надеждой и опорой.

Оставшееся расстояние до земли я и щит летели по воздуху и орали как ненормальные. Ну ладно, ладно. Орала я, щит молчал и летел.

Вот всегда я говорила, нужно учить физику. Даже я учила, хотя и не понимала, зачем она благородной рувите. Но симпатичный молодой учитель преподавал нам с сестрой предмет интересно, показывал опыты, которые прямо как магия, но на самом деле банальная наука, а потому мы исправно посещали уроки, не прогуливали и зубрили формулы и правила.

И вот сейчас я точно знала: из-за того, что нас подкинули (меня и щит), мы не притормозим у мешков с песком. Не-а! Мы их перелетим и полетим дальше. К арке стационарного портала... Вот и верещала я, приближаясь по воздуху, словно метательный снаряд, к остолбеневшим магам-телепортистам и светловолосому мужчине в походной одежде и с сумкой через плечо.

— Сто-о-ой! — орал сзади стражник, скользя следом на пузе. Ну, вероятно. Могу только предполагать.

Ой, дяденька-а-а, я бы остановилась, если бы знала как!

— Элисса-а-а-а! — А вот этот благородный рёв уже принадлежит моему горячо любимому родителю, барону Суаресу.

— Элька-а-а-а! — Ну, это Инесса визжит.

Оглянуться я не успела, да и не стремилась. Потому как, неблагородно вопя, врезалась в того самого светловолосого мужчину, сбив его с ног.

— Ы-ы-ы-ы-ы! Клац! — заткнулась я, прикусив язык, когда на меня сверху грохнулась весьма не легкая, как выяснилось опытным путем, туша незадачливого типа.

Следующие звуки и крики вообще слились в какофонию.

— Стоять!..

— Не настроен!..

— ...! — Тут нецензурное, пересказывать не буду.

— Какого хрына?! — Это сверху, от моей жертвы.

Ну и помимо человеческих голосов еще было «Бум!», «Бам!», «Дзинь!», «Хрясь!».

Вот с этим последним «хрясь» я, мой таз (то есть щит) и наша с ним добыча врезались во что-то твердое.

Полежали, приходя в себя. Щит подо мной вибрировал, зубы мои стучали, растрепавшиеся волосы стояли дыбом и трепетали, а мужчина сверху дергался и ругался.

— Да отпусти же ты меня!!! — рыкнул он, не выдержав.

— Н-не отп-пуц-шу! — честно призналась я.

Мужик затих. Я тоже, вот только икать начала.

— Почему? — вкрадчиво спросил меня голос похищенного мной человека.

— Н-не м-могу.

— А глаза открыть можешь?

— М-могу, — открыла я очи и встретила с гневным взглядом.

— И что это было? — спросил индивидуум, лежащий в моих крепких объятиях.

Ну... Сказать мне было нечего, поэтому я только моргнула.

— Убери с меня свои ноги и руки! — приказал он, но я только снова моргнула и скосила глаза.

Ой. Оказалось, я с перепугу обвила руками шею упавшего на меня парня (он явно не намного старше меня, максимум года на три), а ногами обхватила его за талию. Как удачно, что у меня под многочисленными юбками надеты брюки. А то сверкала бы сейчас трусами.

— Н-не м-могу, — помолчав, призналась я и снова икнула. — Н-не слуш-шаютя.

И правда, и руки, и ноги проявили похвальную любовь к жизни и искали надежную опору. А потому в нашу с ними жертву вцепились накрепко и выпускать отказывались. Причем это они сами. Я-то девушка приличная и честно попыталась приказать своим конечностям разжаться и обмякнуть.

Издав какое-то совершенно неприличное рычание, больше похожее на незнакомое мне ругательство, блондинчик попытался разжать мои руки.

И я, и мои руки наблюдали за его попытками с интересом. Мы, может, тоже не горим желанием обнимать всяких белобрысых (пусть и симпатичных) незнакомцев. Даже если они наша честная добыча, поскольку мы ее похитили на глазах у сотни людей из центра города, да еще с риском для жизни.

— Свело, что ли? — уточнил разгневанный типчик, не справившись.

Я смущенно кивнула. Самой стыдно, но поделаться ничего не могу.

— А ноги?

Ну а что ноги? Похоже, их тоже свело, поскольку моим приказам они подчиняться отказываются, а продолжают нагло обвивать талию парня.

— И ноги, — призналась я и вздохнула.

Было так неловко, что я даже икать перестала.

Одарив меня испепеляющим взглядом синих глаз, страдалец завозился, уперся в землю руками и встал на четвереньки.

Эх! Хорошо стоим... висим... Даже не болтаемся... Вернее, Блондинчик стоит на четвереньках и прожигает меня глазюками, я... Ну а я вишу у него под пузом. Руками держусь за его шею, ногами — за талию. А между нами моя сумка, зажатая животами.

Нет, подозреваю, приложи незадачливый путешественник больше усердия, ему бы удалось от меня избавиться. Но, похоже, благородство сыграло с ним злую шутку. Он ведь понимал, что, если начнет разжимать мои конечности с силой, мне будет больно. А ни один воспитанный и порядочный мужчина не может сознательно причинить страдания женщине.

— Вот же ж рыжая напасть! — в сердцах буркнул парень.

— Извини, — улыбнулась я дрожащими губами. Напряглась и с трудом, но все же выдавила одну слезинку.

Все знают, что мужчины не выносят женских слез и начинают чувствовать себя виноватыми. Вот и пусть чувствует виноватым себя, а не меня. Так оно как-то безопаснее. А на «рыжую напасть» я совсем не обиделась. Папа тоже так частенько говорит, я привыкла.

— Я сейчас перевернусь на бок и попытаюсь выбраться из твоих объятий. А то, если я начну разжимать твои руки с силой, тебе будет больно. Поняла?

Вот, я же говорила.

— Поняла! — закивала я и случайно стукнула его лбом в нос. — Ой!

Выдохнув сквозь сжатые зубы и на мгновение смежив веки, он медленно опустился так, чтобы моя спина коснулась щита, после чего завалился на бок.

— Неудобно, — пожаловалась я. — Ты мне левую ногу придавил.

— А ты меня сейчас задушишь! Не дрыгайся, я пополз.

Можно я не буду рассказывать, как это было? Потому что ужасно щекотно, жарко, тесно, а еще неловко, когда в какой-то момент лицо моей жертвы уперлось в мою грудь. Хорошо, что у меня платье закрытое до самого горла, а под ним еще и рубашка. А то бы я сгорела от стыда. Наверное, парень тоже это оценил, потому что я услышала донесшееся хмыканье.

Наконец мои руки опали, потеряв опору, а ноги были не столь натренированы в объятиях, и их разжали, почти не встретив сопротивления.

— Оригинальный у тебя наряд, — снова хмыкнул Блондинчик, бесцеремонно разглядывая мои брюки и сапоги, лежащие в ворохе юбок.

— Да я вообще... оригинальная. — Кряхтя, словно древняя старушка, я с трудом, помогая себе руками, села и одернула подол.

— Я заметил, — растирая шею, покосился он на меня.

— Элисса. Можно Эля.

— Да какая ж ты «Эля»? — криво усмехнулась моя симпатичная добыча. — Рыжая конопатая лиса ты. Лисса.

— Не конопатая! — обиделась я. — Это милые и очаровательные веснушки. И они только летом появляются. А ты не представился. Кстати, а мы где?

— Мэрко. — Медленно поворачивая голову, мой визави рассматривал окружающую нас чащу. — Где-то в лесу.

— А должны где быть? Куда портал настраивали?

— В столицу. Но из-за того, что некоторые наглые, летающие в корытах рыжие лисы сшибли меня с ног, портал оказался не настроен до конца и сбит. И где мы сейчас, я не имею ни малейшего представления.

«Наглых, летающих в корыте рыжих лис» я гордо проигнорировала и выдала:

— А мне тоже в столицу надо. Вот здорово! Значит, вместе пойдем.

— Размечталась! — неприязненно покосился на меня мой будущий спутник. Он, конечно, еще не осознал свое счастье, ну да ничего, привыкнет. Все привыкают, когда деваться некуда.

— Ой, да ладно тебе! Подумаешь, упал. Я тоже пострадала, между прочим. Ты ведь тяжелый! И вообще! Я тебя честно похитила, и теперь ты, как честный человек, обязан...

— Вот уж не мечтай! Жениться я на тебе не собираюсь! Еще чего!

— Ха! Вот уж не мечтай! — слово в слово повторила я его фразу. — Я за тебя замуж сама не пойду. У меня женихов целый список, и уж тебе в нем точно не место. В нем только аристократы, благородные лорды с большим состоянием. Абы кому меня папенька не отдаст. И вообще, мне белобрысые не нравятся.

Ну да, я обиделась. А чего он?

— И что же тогда такая разборчивая рувита делает сейчас в лесу, неизвестно где, в компрометирующей компании, а не выбирает себе достойного жениха из списка папеньки?

— Что, что... — буркнула я, потупившись. — Я же не виновата, что тот стражник оказался такой жадной. пожалел для девушки свой щит. Мог бы подобрать его потом внизу, а не прыгать как горный козел и отправлять меня в полет. Мне в столицу нужно.

— То есть ты еще украла у представителя закона щит! — обличающе заявил этот наглый тип и подедргал за край мой тазик. То есть ледянку. Ну, то есть щит.

— Не украла, а позаимствовала. На время!

Поняв, что препираться мы так можем до бесконечности, а время-то идет, я сняла с шеи ремень сумки, которую, к счастью, не потеряла. После со вздохом согнула свою «подвернутую» ногу и стащила сапог. У Марко взлетели брови, но спросить он ничего не успел, увидел намотанные толстым слоем бинты. Вот их я и начала сматывать. А то ведь неудобно будет идти.

— Что ты делаешь? — вкрадчиво поинтересовалась моя добыча. Будто не видит...

— Сматываю бинты, иначе они будут мешать, — тем не менее вежливо пояснила я очевидное.

Высвободив ногу, с наслаждением пошевелила пальчиками, игнорируя ошеломленный взгляд парня. Сам бы по жаре проехал несколько часов в такой конструкции... Я бы на него посмотрела. Потом я еще покрутила ступней, восстанавливая кровоток. После чего невозмутимо вытащила из кармана платя носок, натянула его на ногу и надела сапог.

Фух! С этой частью покончено. Осталось снять это платье, которое уже сводит меня с ума. Хотя следует отдать ему должное. Если бы не его многочисленные

нижние юбки, я бы себе весь зад отбила, спускаясь с ледяной горы и потом прыгая в этом незнакомом лесу по земле. А так ничего, даже без синяков обойдусь.

Запустив руки за спину, я подергала за шнуровку. Одевала меня Инесса, она же крепко всё зашнуровала и завязала, что было непросто. Ну не предусмотрены лишние просторы в нарядах благородных девиц для того, чтобы под них надевали обычные рубашки. Максимум тонкая камисоль¹.

Шнуровка слушаться отказывалась. Я начала злиться, и тут мой взор пал на сидящего напротив белобрысого типа, который молчал, но его вид выдавал... Ну, плохо он обо мне думал, короче.

— Развяжешь? — потыкала я себе за спину пальчиком. — А то очень жарко.

— Жарко? — Светлые брови опять поползли на лоб. — Ты собираешься раздеться?

— А ты сам походил бы в такую жару в шерстяном платье с длинными рукавами и глухим воротом, тогда не спрашивал бы. Конечно, я собираюсь раздеться.

Глава 3

Издав нечто среднее между хрюком, хмыканьем и нервным смешком, Марко тем не менее протянул руки, когда я повернулась к нему спиной, и развязал затянутый Инессой узел.

¹ Камисоль — предмет женского нижнего белья, представляющий собой короткий топ на бретельках свободного покроя или в обтяжку. По сути, является облегченной и укороченной версией комбинации.

Остальное я и сама сделала. Быстренько справилась со шнуровкой и с невыразимым стоном наслаждения стянула лиф платья на талию, вынимая руки из рукавов.

— Боги, какое облегчение...

Счастливо улыбаясь, встала сначала на четвереньки, потом на ноги и попрыгала, позволяя ненавистной шерстяной хламиде соскользнуть на траву горой ткани.

— Занятно нынче одеваются благородные рувиты, — едко прокомментировал мой облик Блондинчик.

— Да, мы такие, — радостно подмигнула я этому буке.

Покопалась во втором кармане платья, вынула шейный платок и повязала на полагающееся ему место. Я все-таки девица благородного сословия, нужно же хоть как-то приукрасить свой скромный наряд, состоящий из простых брюк и не менее простой рубашки. Покончив с этим, я взглянула на своего невольного спутника.

— Ну что, идем?

— Куда? — медленно поднялся он с земли. Вот тут и оказалось, что он выше меня на полторы головы и шире в плечах раза в два.

— Ого, ты дылда! То есть ой, — сделала я вид, словно смутилась. — В столицу идем?

— И ты даже знаешь, куда идти? — явно насмехаясь надо мной, этот противный блондин повел во круг рукой.

Послушно оглядевшись, я оценила высокие деревья, зеленую траву без каких-либо тропинок...

— Я нет, но ты наверняка знаешь, — мило улыбнулась ему и похлопала ресничками. — А я с тобой.

— А я не с тобой. Я — сам по себе.

— Да не-е-ет, — отрицательно качнула я головой. — Я с тобой. Ты просто еще не привык к этому.

От моей наглости Марко подавился следующей фразой и промолчал. Ну он реально, что ли, думал, будто я позволю ему бросить меня тут одну?

Не дожидаясь очередной ехидной реплики или уверений, что некоторые наивные и белобрысые сами по себе, я подхватила сумку, повесила ее через плечо. После чего сгрэбла в кучу платье. Надевать я его, конечно, не планирую, но плаща и куртки у меня с собой ведь нет, в отличие от этих, которые наивные. Так что согдится и многослойная юбка, если продрогну.

Ногой я попинала таз, который ледянка, который щит. Оставлять добычу было жалко. Тащить — тяжело. И я вскинула скорбные глаза на своего будущего спутника.

— Возьмем? Смотри, какой он крепкий. Я на нем с горы съехала, полетала, тебя поймала, мы вместе упали, а он вон... целенький.

— И зачем он тебе? — оправив свою одежду и походную сумку, спросил Марко, неприязненно зыркнув сначала на щит, потом на меня.

— Не мне, а нам, — исправила я. — Пока не знаю, но точно пригодится. Помочь тебе его на спину прицепить?

Я сама любезность, что бы обо мне ни думал этот недружелюбный тип, который моя честная добыча.

— Ты меня бесишь, — вдруг заявил Марко.

— Это поначалу, потом привыкнешь, — отмахнулась я. — Так что, помочь?

От моих услуг гордо отказались, небрежно закинули тазик за спину, закрепили и пошагали вперед.

Подумаешь... Я не обидчивая, быстро пристроилась сзади и тоже пошла навстречу неведомому будущему.

...Идем. Птички поют. Некоторые вопят противно, но они в этом не виноваты. Природой так в них заложено.

Ёжики пробегают. О-о-о. Здесь живут ёжики! Какая милота. А белки? И белки.

Хорошо идем, быстро. Скучно только, потому что Марко на мои реплики не реагировал, храня пренебрежительное молчание. Я сначала пыталась быть любезной и вежливой и поговорить о жизни, о том, откуда он родом. Но, наткнувшись несколько раз на глухую стену молчания, утомилась. Скажите пожалуйста, какой недружелюбный!

Так вот, идем мы хорошо, быстро и скучно, но есть хочется. Выехали-то мы из поместья рано утром, толком не позавтракав. Меня тошнило от волнения и предвкушения, да и от недосыпа. Я полночи прошушукалась с Инессой о своих грядущих планах. Потом была дорога в карете, где я плавилась от жары. А потом — побег, превратившийся в стремительный полет. И вот время уже явно перевалило за послеобеденное, и желудок недвусмысленно намекал, что хотя он понимает, что девушкам нужно блюсти фигуру и всё такое, но кормить его надо. Да какое там намекал? Этот глубинный орган прямо заявлял, что он дико хочет есть!

А потому я голодным взглядом шарила по округе, надеясь найти куст малины или орешник. Хотя нет, орешник не спасет, рано еще. Еще грибочков бы неплохо, их можно будет поджарить. С маслицем, с кар-

тошечкой. Умням! Вот же хрын! Ни масла, ни картошки, ни сковороды у меня нет. И сильно сомневаюсь, что они есть у моего немногословного спутника.

Вот предаваясь таким гастрономическим мыслям, я и шагала. А когда увидела торчащую из травы толстую пернатую гузку, то возликовала. Понятия не имею, что за птица, но она что-то там делает, низко наклонив голову, не видя, не слыша нас. Наверное, обедает червячками. Ну а я пообедаю ею.

Приотстав, я поискала взглядом, чем бы подбить ее. О, а вот и камушек. Годится. Не делая резких движений, подняла свое метательное оружие, примерилась и...

Бамц! Точно в пернатый бок прилетел мой снаряд. Я же, не теряя времени, бросилась вперед, в три прыжка преодолела разделявшее нас с моим предстоящим ужином расстояние и набросила на ошеломленную птицу свое платье. Теперь точно не сбежит.

Я, оказывается, такая меткая! Уау! И хищная, и жутко опасная! Да-да.

Не трата времени ни на восторг от самой себя, ни на то, чтобы посмотреть, как далеко ушел Марко, я запустила руки под пышные юбки своего боевого платья, цапнула птичку за шею и свернула ее, как положено делать на птичьей охоте.

Охотницей я была так себе. Мне не нравилось скакать на лошади и гоняться ни за бедными лисами — они тоже рыжие, мне их жалко, ни за зайцами — они маленькие и очень симпатичные, ни за оленями — они трогательные и грациозные. А волков я сама боялась. Поэтому на такие выезды с папой и его приятелями я ездила нечасто. Так, покрасоваться в амазонке, и всё. Но оказывается, во мне погибает великий талант охотника.

Ну а пока... Снова накинув платье на плечи на манер плаща, я цапнула пернатую тушку (жирненькую, тяжеленькую) и припустила догонять удаляющегося Блондинчика. Впереди маячила его светлая лохматая макушка.

И вот мы снова идем.

Марко все так же прёт напролом, правда, скорость сбавил, я за ним. А чтобы занять руки делом, принялась прямо на ходу ощипывать свой будущий ужин.

Так увлеклась, что даже не заметила, как в какой-то момент Марко остановился, и я врзалась в него.

— Ой!

— Что это? — подняв брови, рассматривал пойманную мною дичь парень.

— Еда.

— И откуда? — озадачился он.

— Камнем подбила, платьем спеленала, шею свернула, — отчиталась я.

Марко крикнул, но не спросил про остальные детали моей удачной охоты.

— И кто это? Я в ощипанном виде не могу опознать.

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — У нас вокруг имения такие не водятся.

— А ты, смотрю, весьма ловко умеешь ощипывать.

— Ну, я росла крайне непоседливым и шаловливым ребенком. Так что часто отбывала наказание, помогая нашей кухарке. Через мои руки прошли десятки, нет, сотни птичьих тушек.

— А это зачем? — указал он на мою голову.

— Для красоты, — улыбнулась я и поправила воткнутые в волосы трофеи, выдранные из хвоста неведомой птицы. Роскошные перья у нее были, должна заметить. Поэтому я не удержалась и украсила свою шевелюру этим великолепием, воткнув по три штуки над каждым ухом.

— И что ты еще хорошо умеешь делать на кухне, чудо в перьях? — В голосе блондина мне почудилась улыбка.

— Еще овощи чищу хорошо.

— А готовишь?

— Держи! — покончив с последними перышками на правом крыле птички, я сунула в руки растерявшегося собеседника пупырчатый лысый трупик с толстым задом, упитанными ляжками и длинненькой шеей. — Еще умею делать тесто для кексиков.

— Только тесто?

— Готовку мне не доверяли. Сгорало всё. Ты ведь меня покормишь? — Я сделала умильные глазки и взглянула на Марко.

— Позднее. Похоже, нам придется тут ночевать. Вот как устроим привал, тогда и поужинаем, — тут же помрачнел парень, пристроил на поясе мою птицу, отвернулся и снова пошагал вперед.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и броситься его догонять.

И вот опять мы идем. Но уже не так бодро, ибо начало темнеть, да и устали мы оба. Ну, я так думаю. Всё же не железный он? Лично я уже едва переставляла ноги.

— Привал! — скомандовал в какой-то момент мой спутник.

— Ура! — пискнула я и села там, где в этот момент стояла.

Коленки мелко дрожали от усталости, спина отваливалась, хотелось спать, пить и есть. И даже не знаю, чего больше и в какой последовательности.

— Водички бы, — жалостливо протянула я. — И покушать. И поспать.

— Ручей там, — ткнул вправо Марко. — Костер будет там, — последовал жест тоже вправо, но еще правее. — А спать там, под тем деревом.

Под каким «тем», я не успела увидеть.

В первую очередь меня волновал ручей и кустики. Я ведь приличная рувита, не могу же я... Ну понятно, что именно не могу.

А потому я, преодолевая усталость, поднялась с не подобающим молодой девице кряхтением и побрела к первому «там», к ручью. А когда вернулась, застала Марко, сидящим на корточках возле сложенного охапкой хвороста.

— А мы скоро будем ужинать? — деликатно поинтересовалась я, оценив картину «блондин, незажженный костер и тушка птицы».

— Как ты относишься к сыроедению? — поднял на меня мрачный взгляд мой будущий кормилец.

— А у тебя есть яблочко? — оживилась я.

— Нет, у меня есть это, — потряс за шею мой охотничий трофей Марко. — Но у нас нет огня, потому что я не планировал ночевки в лесу и мне нечем разжечь костер.

— А-а, — с облегчением протянула я. — Всего-то? Вот уж чего-чего, а огня у нас хоть завались.

Я вытянула руку, шелкнула пальцами, и с них сорвался огненный шар, который влетел в хворост

и подпалил его. Пламя взметнулось вверх так резко, что мой спутник едва успел отшатнуться и плюхнуться на филей. Иначе щеголял бы сейчас опаленными бровями, ресницами и волосами.

— Ой! — привычно извинилась я. — Прости. Я плохо контролирую силу, оно иногда случается вот так.

— Однако-о... — прокомментировал полыхающий костер Блондинчик.

— А ужин скоро?

Ужин пришлось ждать. Я чуть слюной не захлебнулась, когда от поджаривающихся на прутиках кусков дичи поплыл запах жареного мяса. Конечно, у нас не имелось ни соли, ни приправ, но я была настолько голодна, что еще немного, и предложение перейти к сыроедению восприняла бы всерьез. У меня ведь молодой растущий организм, требующий полноценного многообразного питания.

Желудок выводил рулады, глаза мои хищно следили за степенью румяности мяса, а когда я наконец получила в руки один из прутиков, то накинулась на еду ну совершенно неприлично. Увидела бы меня сейчас рува¹ Матильда, наша с Инессой предпоследняя гувернантка, отлупила бы розгами за отсутствие манер.

Птичка закончилась удручающе быстро. То ли она была маленькая, даром что выглядела поначалу большой и упитанной, то ли кое-кто слишком проголодался. И блондинистый «кое-кто» обладает еще более прожорливым организмом, чем я.

— А где я буду спать? — сыто икнув, прикрывая рот ладонью, спросила я и осоловело посмотрела на Марко.

¹ Рува — вежливое обращение к замужней женщине.

— А есть альтернативы?

— Ну, ты же заботишься обо мне. Можешь сделать ложе из еловых лап, например...

— Покажи мне хоть одну ель, — блеснул он синими глазами, — и я сделаю тебе ложе. Из лап.

М-да. Ни елей, ни их лап поблизости не наблюдалось. Какой-то неправильный нам лес достался. Приличному путешественнику даже не на чем лечь отдохнуть.

Повздыхав для приличия, я разделила многочисленные юбки своего шерстяного платья на две части, расстелила его на земле поближе к костру и принялась устраиваться на ночлег. Легла, повозилась, одной половиной юбок, задранных вверх, укрыла спину и плечи, то же самое сделала с бедрами и ногами второй половиной.

— Слушай, Рыжая, — отвлек меня от возни Марко. — Мне вот интересно, ты меня совсем не боишься? Все же лес, мы далеко от людей, а ты молодая девушка в компании сильного мужчины...

— Да ты вроде на самоубийцу не похож, — озадачилась я. — На вид вполне вменяемый.

— М-м-м? — затупил Блондинчик.

— Ну, выглядишь ты, говорю, вполне приличным человеком. Шел по своим делам в столицу, попал сюда случайно. И это не ты меня заманил, а я тебя вроде как похитила. Случайно. К тому же ты видел, что у меня дар огня. То есть понимаешь, что мне бояться бегающих и вопящих головешек не с руки. Ну и вот.

— Однако-о-о.

Что-то он повторяется. Мог бы придумать более умную реплику.

— А в столицу тебе зачем, Рыжая?

— Сам ты... Блондин. Учиться я хочу, на мага. Шла поступать в магическую школу или академию. В столице их несколько ведь, вот куда возьмут. А ты?

— А наряд твой такой странный от того, что ты не шла, а удирала от отца и его списка женихов? — смекнул Марко.

— Умный очень, да? — буркнула я.

— Да. Так что? Сбежала?

— Ну сбежала, и что? Кому они нужны, эти женихи? Вот тебе хотелось бы целыми днями вышивать салфетки и исполнять капризы какого-то придурка только потому, что он имел счастье постоять с тобой у алтаря?

— Однозначно нет! — твердо заявил парень и издал смешок.

— Вот и мне — нет. И ничего смешного. Я учиться хочу, а папенька всё твердит: «Замуж! Замуж! Никакой магии! Не собираюсь я платить за эту чушь!» Пришлось сбежать, чтобы попробовать поступить самой, раз уж тут так удачно его величество предоставил неделю для всех желающих.

— Поймает тебя твой папенька — выпорот.

— Пусть сначала поймает, — отмахнулась я. — Я всё узнала. Мы с сестрой проштудировали списки всех магических учебных заведений. Несколько из них в столице, то есть там легче всего пристроиться и затеряться. Еще три в разных концах страны. Я сначала хотела к морю податься, но туда добираться дольше, чем до Феллы. Ну а ты?

— Знаешь, как это ни странно, но я тоже шел в столицу, чтобы поступить в магическую академию, — помолчал, ответил Марко.

— Да-а-а? — Я даже приподнялась на локте, чтобы взглянуть на собеседника. — А у тебя какой дар?

— Вода.

— Значит, это сами боги нас с тобой свели, — важно заявила я. — Молодой девушке сложно одной добираться, вот они мне тебя и подкинули.

— Вообще-то это ты меня подкинула и закинула неведомо куда, — съязвил парень.

— Не придирайся. Завтра ты меня выведешь к людям, мы всё узнаем и быстренько поступим в академию. Здорово, что я с тобой.

— Знаешь, я начинаю понимать твоего папеньку. Твоя наглость настолько... — замолчал он, подыскивая определение.

— Всеобъемлющая, — подсказала я.

— А непосредственность настолько...

— Ошеломляющая и сбивающая нормального человека с любой мысли, — снова любезно помогла я подобрать слова.

— Да! Короче, замуж!

— И тебе не жалко его? — У меня от этого разговора рот до ушей был, даже спать перехотелось.

— Кого «его»?

— Мужа моего будущего.

— Тот, кто на тебе рискнет жениться, — сам дурак. Такого не жалко.

— Ну и дурак! — обиделась я, перевернулась спиной к костру, снова закуталась поплотнее в юбки своего боевого платья и смежила веки.

Марко не стал ни извиняться, ни пытаться возобновить беседу. Пошуршал, поскрипел и, судя по звукам, тоже лег спать.

Устала я безумно, а потому, несмотря на неудобства и то, что не привыкла к ночевкам в таких условиях,

задремала быстро. Не знаю, сколько мне удалось поспать, но разбудил меня чей-то замогильный вой.

Меня аж подбросило от этих продирающих звуков, а по спине мурашки табуном пронеслись. Как не заорала с перепугу — не знаю. Очумело помотав головой, я обернулась и встретилась взглядом с Блондином. Увидев, что я смотрю на него, он приложил к губам указательный палец, приказывая молчать. Я кивнула и принялась выпутываться из платья. После чего подтянула к себе сумку и трясущимися руками вытащила из нее свой маленький кинжал. Так себе защита, прямо скажем, но хоть что-то. Прислушиваясь к звукам ночного леса и поглядывая на Марко, который тоже вытащил из своей сумки какое-то оружие, я прицепила ножны кинжала к поясу и встала.

Глава 4

Было страшно. Очень, очень страшно. Я все же девушка из приличной семьи, а не воительница или наемница, для которой такие похождения — это нечто обыденное. А потому я потихонечку, бочком подобралась к Марко и встала рядышком. Он мужчина? Мужчина. Я его похитила? Похитила. Вот пусть он меня и защищает.

Парень мрачно оглядывался по сторонам, пытаясь в темноте увидеть хоть что-то. Я же тяжело сглатывала ставшую вдруг вязкой слюну и прислушивалась к приближающемуся вою. Хоть бы это были обычные волки! Ну пожа-а-алуйста! Только бы не нечисть какая-нибудь. После войны у всех

осталось крайне нервное отношение ко всему, что связано с нежитью и нечистью. И я не исключение, хотя и не жила в тех краях, которые понесли особые кровавые потери.

Мои молитвы оказались не услышанными. Из-за кустов и деревьев к нам выступила стая... вот даже не знаю кого. Внешне эти существа напоминали нечто среднее между волком и медведем, из их открытых ртов капала зеленая, чуть флуоресцирующая в темноте слюна, а глаза горели красным. Точно не обычные лесные зверюшки. И количеством — особей в десять. Сожрут! Как пить дать, сожрут они нас. Или попытаются, что тоже нехорошо.

— О боги! — беззвучно прошептала я.

— Не двигайся, — на грани слышимости приказал мне Марко. — И не отходи от костра.

Жуткие твари окружили нас и начали приближаться, скаля свои отвратительные хари.

— Как только они прыгнут, беги к дереву и лезь наверх! — прошептал Блондин.

Я от неожиданности даже покосилась на него. Он реально считает, что я брошу его одного? Совсем забыл, что у меня дар к огненной стихии? Мне, конечно, безумно страшно, но не до такой степени, чтобы оставить в беде пусть и временного, но напарника.

Отвечать я не стала, не до того. Медленно присела, подтянула к себе тазик, который щит, и прикрылась, держа его левой рукой.

Суаресы не сдаются! Да мои достойные предки в своих саркофагах в нашем родовом склепе перевернулись бы, узнав, что их потомок... потомка... потомца... нет, все же потомок, сбегала с поля боя, бросив напарника погибать. И не важно, что я де-

вушка, а не воин. Я принадлежу к древнему гордому роду баронов Суаресов, и этим всё сказано. Родовая честь — это не пустой звук.

Прыжок в нашу сторону вожака стаи этой кровожадной нечисти и вопль Марко случились одновременно:

— Агр-р-р!

— Беги!

Ну я и поняла, что пришло мое время. В разъявленную пасть монстра полетел огненный шар. Зверюга подавилась своим рыком, заверещала и принялась крутиться на месте. А на нас в это время бросились остальные.

Если честно, то я плохо соображала, что творю. Вместо страха и паники пришли азарт боя и жажда крови. К тому же я никогда так много не магичила и, похоже, слегка опьянела от столь активного использования дара. Вся мою жизнь выплески огня случались либо стихийно, либо небольшими порциями. А тут я разошлась, потеряв и контроль, и страх.

Все смешалось в какой-то хаос. Я безостановочно запускала огненные шары то в один размытый, быстродвигающийся силуэт, то в другой. Кажется, сама рычала. Но тут не уверена, так как это было бы странно и неподобающе.левой рукой прикрывалась щитом, похищенным у стражника на ледяной горке, а правой безостановочно создавала огонь.

Сзади бился, уж не знаю, водой или клинком, Марко. Позволить себе роскошь оглянуться я не могла. Ну и мы прикрывали друг другу спины, кружась на месте и не подпуская к себе нечисть.

В какое-то мгновение я окончательно слетела с катушек, перестала сдерживать силу, и она хлынула,

словно прорвавшаяся плотина. С моей ладони полетели не шары огня, а ровная, гудящая струя пламени. Вот это был ужас.

Когда я пришла в себя и снова начала адекватно воспринимать реальность, на траве вокруг нашего ночлега догорали десять туш. А запах стоял такой...

— Лисса! Лисса! — тряс меня кто-то за плечи. — Всё! Хватит!

— Угу! Гаси их, начнется лесной пожар... — слабо пробормотала я и упала в благородный обморок. Я ведь девушка чувствительная, нежная и ранимая. Временами.

В себя пришла на удивление быстро. Даже странно.

Лежала я на своем провонявшем платье, под головой вместо подушки — верный щит. Как удачно-то я его умыкнула...

— Ну и что это было? — спросил меня мрачный голос Блондинчика. — Тебе что было сказано? Лезть на дерево! А ты?!

— А я — будущий маг. И вообще, я девица из приличной семьи и не умею лазить по деревьям, — флегматично отозвалась я и села, помогая себе руками.

Обуглившиеся туши, которые Марко так залил водой, валялись по всей поляне и... смердели. Меня даже передернуло от этой вони.

— А это кто? — ткнула я слегка подрагивающим пальцем в их направлении.

— Самому интересно. Знаю одно: в окрестностях Феллы такой нечисти не водится. Вся местность вокруг столицы давно зачищена и абсолютно безопасна. И отсюда возникает вопрос, Рыжая. Ты куда нас закинула?

— Это не я. Оно как-то само... Я ведь просто летела и впорхнула в портал, прихватив для компании тебя.

— Как же ты меня бесишь!

— Ты просто пока не привык, — вяло дернула я плечом.

Послушав зубовный скрежет и три глубоких вдоха и выдоха, я миролюбиво предложила:

— А давай отсюда уйдем? Тут так воняет. И смотри, уже светать начинается. Пойдем, а?

Не дрогнув, вытерпела практически ненавидящий взгляд, дождалась, пока Марко встанет, возьмет свою сумку и мой щит, после чего подхватила свое нехитрое имущество и тоже поднялась.

И вот мы снова идем. Не очень хорошая тенденция, конечно, вырабатывается. Мой товарищ по несчастью впереди, я опять тащусь сзади. Силы и запал подошли к концу еще вчера и окончательно исчерпались во время схватки с медведоволками или волкомедведями, не знаю уж, как они называются по-научному. Надо бы изучить бестиарий, когда поступлю в академию магии.

Поэтому сейчас я брела, понунив голову и мечтая о мягкой постельке, теплой ванне, чашке бодрящего взвара и горячем пончике. Даже жалко себя стало на мгновение. Могла бы сейчас наслаждаться цивилизацией в чистом платье, а не топать по неведомому лесу в грязной, пропыленной, пропотевшей и провявшей одежде.

— Озеро, — вдруг пробился в мои унылые мысли голос Марко.

— Где озеро?! Я купаться! — возликовала я, ментально забыв про свои горести и печали.

— Стоять! — вскинул руку парень, останавливая мой стремительный бег в зародыше. То есть не

дав проскочить мимо него к блестящей сквозь деревья водной глади.

Притопывая от нетерпения, я уставилась на спутника, ожидая пояснений.

— Сначала осмотримся.

— И рыбки! Ты ведь покормишь меня рыбкой, да? — тут же высказала я пожелания. Ну а что? Я уже говорила, что у меня молодой растущий организм.

Меня одарили взглядом... многозначительным таким взглядом, но плохо читаемым. Я так и не поняла, покормят меня или нет. Ну да ладно. Мы не гордые, если что, сами сварим себе рыбки, прямо в озере, прямо в чешуе. Уха будет. Бо-о-ольшая порция ухи.

Я предвкушающе улыбнулась и облизнулась, вызвав нервный тик у Марко. Да-да, у него глаз дернулся. Я это с лету замечаю, потому как папуля тоже периодически страдает подобным недугом во время общения со своей любимой младшей дочуркой.

Озеро оказалось чистым, не слишком большим, но глубоким. Если у берега еще просматривалось дно, то буквально через несколько шагов оно резко уходило в глубину. И рыбы плавали. Точно-точно. Причем крупные такие, упитанные. Похоже, мы совсем уж в глухомани, иначе бы их всех выловили окрестные жители.

— Мыться? — спросила я нетерпеливо. — Я первая. И постирать одежду нужно, а то от нас так воняет, что мухи на лету дохнут.

— Ты ведь хотела рыбы, — прозвучал сухой ответ. — Забыла уже?

— Рыбы! Да! А как ты будешь ее ловить? Удочкой долго, да и нет ее у нас. Или у тебя складная есть в сумке? Нет? А сеть? И сети нет? А как тогда? — за-

давала я наводящие вопросы, наблюдая за тем, как он скинул на землю вещи, стянул куртку и рубашку.

О! А фигура у моей добычи очень даже фигуристая. Мышцы, явно привыкшие к физической нагрузке, кожа загорелая не только на лице, но и на спине, плечах и животе... Интересно, чем Марко занимался до того, как я его похитила? Он ведь явно дворянин, я же вижу по манерам и осанке, да и в целом он не производит впечатления человека, занимающегося сельским трудом. К тому же черты лица у него благородные. Не сказала бы, что он настоящий красавец в истинном смысле этого слова, но облик имеет породистый и одухотворенный. Точно дворянин, а может, и обнищавший титулованный аристократ.

Уж я-то знаю. Среди папиной небольшой гвардии, охранявшей нас и имение, имелось и несколько обедневших дворян, и они разительно отличались от остальных наемников, тех, что из простых. Дворян выдавали манеры даже во время тренировок с оружием.

Да-да, мы с Инесской регулярно подглядывали. Аккуратненько, чтобы нас не застукали, так что о нашем с ней маленьком секрете знал только старый конюх. Но он никому нас не выдавал, только каждый раз строго грозил пальцем и демонстрировал плетку, намекая, что получим мы по мягкому месту от папулечки, если он узнает. Но нам ведь было интересно! Какие еще развлечения-то в нашей провинции? К тому же это так красиво, когда обнаженные по пояс сильные тренированные мужчины машут мечами.

Впрочем, я отвлеклась.

Не обращая внимания на мое разглядывание, Марко разулся, закатал брючины до колен (ноги тоже загорелые) и вошел в воду, выглядывая рыбину.

— А-а, я поняла, — понизила я голос. — Ты же маг воды. Сейчас вытянешь на берег водный пузырь вместе с рыбиной. И тут мы ее укокошим, пожарим и съедем.

Парень вздрогнул от моих предположений, медленно повернулся и уставился на меня.

— Что? Опять не угадала? Ну а как тогда? Не руками же ты собираешься их ловить. Или руками? — озадачилась я.

— Не могла бы ты помолчать? — очень вежливо попросил он меня.

Я поджала губы, передернула плечами и отошла от берега. Не хочу, чтобы он меня обрызгал.

И все же, догадливая я оказалась права. Марко колданул, и над озерной гладью поднялся водяной шар с большой рыбиной внутри. Огромная капля, сверкая на солнце, допарила до берега, плюхнулась на землю, рассыпавшись сотнями брызг, и мой будущий завтрак забился на траве, изгибаясь и подпрыгивая. Ну, тут уж я не терялась, схватила камень, подскочила и оглушила рыбину, врезав ей по голове. А то еще упрыгает обратно в воду.

Таким же образом Блондинчик выловил еще четыре крупные рыбины, которых я исправно оглушала и отволакивала в сторонку.

— Я первый, — неблагородно заявил вдруг Марко, выходя на берег, и принялся снимать штаны.

— Ой! — пискнула я, спешно отворачиваясь.

Одно дело любоваться обнаженным мускулистым мужским торсом (это красиво), а совсем другое смотреть на то, что ниже. Я девушка приличная, не буду.

До меня донеслось насмешливое хмыканье, но я не стала оборачиваться. Не поддамся на прово-

кацию, не позволю себя смущать. Лучше хворосту пока соберу и костер разведу.

Именно этим я и занялась, старательно отводя глаза от озера, где плавал и плескался Марко. Нахал такой! Мог бы девушку первой пустить.

Впрочем, ворчала я про себя, да и то больше для проформы, чем сердясь по-настоящему. Набрала хвороста, сложила его кучей и развела огонь. А пока пламя весело поедало сухие ветки, отыскала большие листья лопуха. Рыбу ведь нужно как-то запечь. Я даже сполоснула у берега чешуйчатые тушки, смывая с них налипшие песчинки и травинки, и уложила их на листья. Вот, пока я буду плавать и стирать грязную одежду, Марко пусть выпотрошит улов и приготовит нам завтрак. Я свою половину работы честно выполнила.

— Я закончил, — неслышно подобрался ко мне сзади парень, заставив от неожиданности подпрыгнуть и совсем по-девчоночьи взвизгнуть.

— Напугал! — сердито высказала я, вскочив на ноги, и повернулась к нему. — Ой! Ты чего не оделся?!

Я стремительно отвернулась, потому что... Ну, голый он. Совсем!

— Вытереться нечем. Сейчас обсохну и оденусь в чистое, — невозмутимо ответил он мне, ничуть не смущаясь своей наготы. Вот же! — Иди, приводи себя в порядок. И не бойся, подглядывать не буду. Слово мага.

Я фыркнула, словно строптивая лошадь, и бочком, не оглядываясь, обошла его по дуге и отошла в сторону. Может, он подглядывать и не будет, слово мага стоит дорогого. Но... стыдно же. Я никогда не... Стыдно, короче.

Поэтому я ушла подальше и спряталась за кустами, растущими у воды. Разулась, смыла с сапог пыль и аккуратно отставила их подальше от линии воды. Помучившись сомнениями, все же стянула брюки, поминутно оглядываясь на Марко, который успел надеть на себя нижнюю часть одежды и сейчас корпел над нашим завтраком. Я решила, что буду стирать выпачканную и провонявшую одежду частями. Сначала брюки и белье, оставаясь в рубашке. И лишь потом, зайдя поглубже, выстираю ее, ну и промою волосы, прячась за зеркальной гладью воды.

Так и сделала. Марко слово держал, ни разу не оглянулся. Сидел спиной к озеру и перебирал свою сумку.

На ближайших к берегу кустах сохла моя тщательно выстиранная и отжатая одежда, на соседних — вещи Блондинчика. И я, наконец-то закончив с длинной гривой волос, которые пришлось расплести, чтобы отмыть от вони и копоти, отплыла подальше от берега и с удовольствием несколько раз нырнула.

Плавала я хорошо. Папа смеялся, что я не потенциальный маг огня, а русалка — рыжая и бестолковая, которая лишь по недоразумению очутилась в людской семье. Мне даже Инесса завидовала. Она воды побаивалась и не удалялась от берега, когда мы ездили на пикники и плескались в речке неподалеку от нашего имения.

— Эй, Лисска, рыба готова! — сквозь плеск слышала я крик Марко. — Выходи.

О! Ну надо же, прогресс! Уже не Рыжая, а Лисска.

Я активно погрелась к берегу, выбралась на сушу и метнулась за кустик, чтобы отжать волосы и слегка обсохнуть. Я, в отличие от некоторых белобрысых, не могу идти к костру голышом.

— Ты долго? — снова окликнул он меня.

— Сейчас, обсохну немного и оденусь. Мне тоже нечем вытереться, — отозвалась я и принялась подпрыгивать и махать руками как ветряная мельница. Есть хотелось сильно, поэтому нужно быстрее избавиться от капелек воды.

Свернув мокрые волосы в пучок, чтобы они не намочили вещи, я оделась в чистое и босиком вышла к костру. «Повар» окинул меня внимательным взглядом, после чего пододвинул одну рыбину, завернутую в лопухи.

— Эта уже немного остыла, можно есть.

Я даже говорить ничего не стала, кивнула, просияла и, помогая себе кинжалом, снова пристегнутым к поясу, принялась за еду. Эх, и всё же соль нужно с собой брать всегда. Мало ли как жизнь повернется... Направляешься в столицу, а оказываешься хрын знает где.

Завтрак прошел быстро. Я не успела заметить, как обглодала до косточек рыбину, и с сомнением покосилась на вторую, размышляя, влезет в меня еще или лучше оставить ее на обед.

— Отдыха-а-ать... — зевнула я, упав на спину и раскинув руки в стороны.

Голова моя удобно покоилась на сумке, а тело наконец получило долгожданный покой.

И что интересно, и правда ведь почти мгновенно задремала. Чем занимался в это время мой невольный спутник, мне неизвестно. Но выспаться мне опять не дали.

— Иди-и-и... Иди-и-и к на-а-ам... — тянули женские голоса. — Иди-и-и...

Очумело мотнув головой, скидывая дурман сна, я села. Ну и приснится же... Какие-то тетки, которые зовут меня в свои объятия.

Не приснилось...

Недалеко от берега, по пояс в воде стояли пять обнаженных девиц с длинными зелеными волосами, перекинутыми на грудь. Они тянули в нашу сторону руки, манили, звали... Их черные глаза неотрывно смотрели...

Что?! Это они у меня сейчас мою добычу воруют?! Да как посмели?!

— Марко! Стой! — крикнула я и вскочила на ноги. — Это мавки! Стой сейчас же!

Только вот парень уже попал под чары водных дев и медленно, будто нехотя, но все же шел в их смертельные объятия.

— Да стой же ты! Марко! — Я догнала его и попыталась оттащить, ну куда там... Легче гору с места сдвинуть, чем околдованного мужчину.

— Он наш-ш-ш, — перевела на меня взгляд одна из мавок. — Уйди.

— Обойдетесь, рыбы снулые! — пыхтела я, пытаюсь остановить парня, который моих попыток даже не замечал. До кромки воды оставалось буквально шагов пять. — Я его честно похитила, так что он мой.

— Он наш-ш-ш...

— Это мы еще поглядим!

Оставив в покое шагающую гору мышц, я бросилась к костру, схватила свой верный таз, который щит, и бросилась обратно.

— Прости, Марко. Я не хотела! — и с размаху припечатала по белокурой голове.

Парень глухо вякнул, всплеснул руками и завалился навзничь. Я едва успела отпрыгнуть в сторону, иначе бы придавил.

— Он наш-ш-ш... Наш-ш-ш... Отда-ай... Как ты по-с-с-смела?.. — зашипели мавки, глядя на меня с ненавистью.

— Девушки, я ведь вам по-хорошему сказала. Я его похитила. Я! И он — моя добыча. А я жадная, делиться своим не люблю. Всё понятно?

И показательно сформировала над ладонями огненный шар.

— Ма-аг... Ого-о-онь... Убери-и-и ого-о-онь... — попятились назад водные девы.

— Предлагаю разойтись миром. Вы сами по себе, мы — отдельно от вас. Забудем этот маленький инцидент, и тогда никто не пострадает.

— Мужчи-ина... Отдай нам мужчи-и-ину... Отда-а-ай...

— Вот заладили! — Я перекинула потрескивающий огненный шар с одной ладони на другую. — Повторяю! Вы не трогаете нас, а я взамен не варю в вашем озере колоссальную порцию ухи с мавками в качестве основной мясной составляющей. Договорились?

— Не посмееш-ш-шь...

— Ой, девочки, не искушайте, — хихикнула вдруг я. Нервное это у меня, точно говорю. — Мне дома никогда не доверяли готовить, у меня вечно всё сгорало в угли. Так что даже не могу гарантировать, что сейчас получится уха, а не полностью испарившаяся вода и ваши обуглившиеся скелеты на дне котлована.

Мавки притихли, перестали шипеть и начали переглядываться. А потом одна за другой нырнули и исчезли из виду.

— Вот и поговорили. Никакого доверия к моим кулинарным способностям, — печально погасила я огненный шар. — Эй, ты живой? — Присев над оглушенным мной парнем, я потыкала его пальцем в бок.

Светлые ресницы чуть дрогнули, из чего я сделала вывод, что не убила. А то сомнения всё же присут-

ствовали. У меня ведь нет опыта в выбивании тазиком дури из головы очарованных мавками мужчин.

Как ни странно, Марко, когда очухался, даже не ругался. Потер затылок, покосился на щит, валяющийся рядом, перевел взгляд на воду.

— Ты их прогнала? — спросил хрипло, не поворачивая головы.

— Да, — коротко ответила я, с любопытством ожидая его реакции.

— Спасибо, Лисичка. Не ожидал... Расслабился, и вот, — хмуро поблагодарил он и встал.

А у меня брови до волос взлетели. Ну надо же! Сначала — Рыжая, потом — Лисска, а теперь — Лисичка. Вот что с людьми делает сталь животворящая, приложенная к нужному месту да еще с размаху.

— Ты сможешь подсушить нашу одежду? — не глядя на меня, спросил парень. — Лучше бы нам уйти отсюда. Да и вообще, пора дальше двигаться. Еще неизвестно, сколько нам до людей добираться.

— Я бы не рискнула сушить вещи с моим контролем над даром, — дипломатично отозвалась я, не обратив внимания на всю остальную часть его реплики. — А то могу спалить, и мы останемся без сменных вещей.

Мои слова приняли к сведению без комментариев. Сохраняя молчание, мы собрали не до конца просохшие одежды, сложили все в таз... То есть в щит, конечно же. Его понесет Марко, как более сильный представитель нашей маленькой компании. Упаковали оставшиеся три запеченные рыбины в чистые лопухи. Еду доверили нести мне.

Ну и тронулись в путь.

Глава 5

Куда мы идем, я не имела ни малейшего представления. В сторонах света ориентировалась лишь по солнцу, где предположительно могут обитать люди — даже не догадывалась, а потому шагала, доверившись знаниям, умениям и, возможно, чутью Блондинчика. Он ведь мужчина, старше меня, должен хоть что-то понимать в данной непростой ситуации.

Как ни прискорбно, но до вечера мы так и не добрались ни до селения, ни до тракта. Должны же тут быть дороги? Наверняка должны. Как-то ведь народ путешествует. Не все же умеют летать через порталы, оседлав тазик и прихватив себе компаньона.

И вот вторая ночевка в лесу. Рыбу мы доели еще днем, воду создал Марко, что позволило и умыться, и напиться. Он вообще как-то приуныл, должна заметить. Поначалу-то бодрился, на меня сердито зыркал. А сейчас притих, щетину светлую скреб периодически, но бриться не пытался. Зеркальца не взял в дорогу, что ли? Так спросил бы, у меня есть. Но сама я не предлагала. Зачем расстраивать человека? Ему и так непросто.

— Как думаешь, сегодня нападет еще кто-нибудь? — нервно передернув плечами, спросила я, глядя за спину сидевшего у огня Марко.

Лес стоял черной стеной, пугая и печалая перспективами.

— Хотелось бы верить, что нет, но я уже ничего не могу предполагать, — помолчав и поворотив в костре хворост, отозвался он. — Нас явно унесло далеко от столицы. Но догадок, где мы, у меня все еще нет.

— Совсем-совсем?

— Хвойные деревья появляются. Но не такие, как в центре Фелисии. Вероятно... Повторяю, вероятно, нас закинуло на юго-восток страны. Если это так, то в Феллу до истечения срока, выделенного королем для бесплатного поступления в магические академии, мы не успеваем. Она ведь в самом сердце нашего государства.

— У-у-у, — сникла я.

— Не хочу пугать тебя, Лисса, но возможно, мы вообще нескоро к людям выберемся. Я не имею ни малейшего понятия, где мы, а значит, не могу подсчитать расстояние до ближайшего города или хотя бы деревни.

Я, понурившись, смотрела на огонь, а потом вскочила и заорала:

— Леший! Леший! Выйди к нам, пожалуйста! Помоги нам уйти из твоего леса, а я тебе гребешок для бороды подарю!

— Спятила?! — поперхнувшись воздухом, вскочил на ноги Марко. — Сейчас же замолчи! Всю нечисть соберешь с округи! Тебе мало было?

— Кто это тут шумит? — раздался из-за кустов скрипучий голос.

— Ой! — испуганно, но одновременно обрадованно пискнула я. — Дяденька леший, помоги нам, пожалуйста. Мы случайно тут оказались... И мы ничего плохого не делали, даже пожара не устроили.

— А медвелаков кто пожег?

— Так они сами! Мы ведь их первыми не трогали! Честное слово! И мы всё погасили, никакого пожара!

— А мавок кто обидел?

— Так они тоже сами! — возмутилась я. — Я же им прямо сказала: я жадная, своим не делюсь. А они шипят: отда-а-ай, отда-а-ай... Но не сварила ведь их, так, чуть пугнула, и всё.

Марко сдавленно кашлянул, глядя то на меня, то на кусты, но промолчал. Хотя вид имел напряженный и явно готовился отражать нападение, если что.

— Дяденька леший, ну помо-о-оги-и... — заканючила я. — Я есть хочу. И поспать нормально. И мы учиться идем, а король всего неделю дал, и она уже заканчивается. А нас потом не возьмут... Ну дяденька леши-ий... А у меня гребешок есть. Смотри, какой красивый! Мне его батюшка из самой Феллы привез в подарок на именины. Он из кости морского зверя, что на севере водится.

Я быстро наклонилась и вытащила из сумки свой любимый костяной гребешок.

Марко уже просто прикрыл ладонью глаза, не находя слов, а я продолжила канючить:

— Дяденька леший, ну пожа-а-алуйста, выведи нас отсюда-а-а... Ну помоги-и-и...

— Как ты ее терпишь? — несколько ошеломленно поинтересовался мой невидимый собеседник. И спрашивал он явно не меня.

— С трудом. Бесит она меня, — честно признался Блондинчик, отняв от лица ладонь.

— Ой, да ты просто пока не привык, — отмахнулась я и снова повернулась к кусту, помахивая перед собой гребешком. — Дяденька леший, меняемся, да? Я тебе вот эту чудесную, редкую вещицу, а ты нам тропинку откроешь тайную. Я знаю, что ты так можешь. Нам с сестренкой нянюшка рассказывала. А я даже смотреть на тебя не буду. Она говорила, что вы не любите людям на глаза показываться.

— Да-а, парень, — протянул леший. Ну, я так думаю, что это он, больше-то некому. — Чисто по-мужски, я тебе даже сочувствую. Забирай свою